

К ВОПРОСУ О ПУШКИНЕ И ДЕКАБРИСТАХ

Ко времени Тынянова тема эта не была новой. Но Юрий Николаевич ставил вопрос по-своему. Отчасти вместе с общим развитием науки, но во многом — сугубо индивидуально, и специальными исследованиями, и романами оказав на развитие наших представлений о «декабризме» или «недекабризме» поэта воздействие, значение которого трудно переоценить.

Исторические романы Тынянова были в то же время исследованиями. Более научными, интересными, перспективными, чем многие специальные работы (по существу похожие скорее на популярные романы, чем на серьезные научные труды). Основываясь на документах, но не фетишизируя их, тщательно проверяя подлинность информации, сообщенной источниками, подчеркивая, что все сохранившиеся свидетельства о прошлом в какой-то мере (большей или меньшей) искажают историю, Тынянов в то же время исходил из того, что подчас (и довольно часто) самые важные события не документируются. По разным причинам — и по соображениям осторожности, и по недостатку времени. Заговорщикам, убившим Павла I, не хотелось доверять бумаге свои планы. А Кутузов и Наполеон (как и Барклай), помимо этого, не видели в том необходимости. Отсюда сочетание фактического материала и смелых гипотез — и в художественных, и в научных трудах Ю. Н. Тынянова, в том числе посвященных Пушкину и декабристам, — и отражению этой темы в «Евгении Онегине».

Мысли, изложенные в статье «О композиции «Евгения Онегина», были знакомы друзьям, ученикам Тынянова задолго до публикации работы, весь сохранившийся текст которой напечатан, как известно, только в 70-х годах, спустя полвека после написания. Эти мысли вызвали раздумья, пересмотры установившихся точек зрения, споры, в том числе и о так называемой X главе романа, о зашифрованных «декабристских» онегинских строфах.

Подход Тынянова к пушкинско-декабристской теме определялся с учетом сложности проблемы. И не случайно два его единомышленника — Ю. Г. Оксман (близкий друг Тынянова) и Г. А. Гуковский — по-разному истолковали и роман (в его напечатанном виде), и зашифрованные строки. Думается, что тыняновская интерпретация «Евгения Онегина» была наиболее достоверно развита Ю. Г. Оксманом в процессе спора с Г. А. Гу-

ковским¹. Печатно эта полемика почти не отражена. Но она продолжалась в русле тыняновских изысканий, отражая сложность самого пушкинского творчества, решения поэтом как общественно-политических, так и художественных проблем. Отражая и противоречивость самого декабризма, его разные истолкования — в основном и в деталях.

Спор двух выдающихся пушкинистов продолжается и сегодня. Только на нем я и останавлиюсь в настоящей заметке.

Г. А. Гуковский приводил Онегина в стан декабристов, не сомневаясь в желании автора закончить роман X главой. Ю. Г. Оксман не верил, что зашифрованные строфы — X глава. Это, по его мнению, особое произведение, поэма. Сам Евгений не пришел и не мог прийти в тайное общество. Перед нами — двойник П. Я. Чаадаева, если не он сам.

Г. А. Гуковский понимал декабризм очень широко — как целное мировоззрение, охватывающее не только политику, но и литературу, этику, эстетику, философию, экономические и правовые взгляды. Для него перевод «Илиады», выполненный Гнедичем, — декабристское произведение. Ю. Г. Оксман полагал, что декабристами можно считать лишь тех представителей этого мировоззрения, кто был способен стать революционером, принять идею восстания, был готов участвовать в нем. Онегин — не способен (как и П. Я. Чаадаев, С. И. Тургенев, А. Н. и Н. Н. Раевские, П. А. Вяземский, Г. А. Римский-Корсаков). И действительно, «декабристов без декабря» не было. Ведь на Сенатской площади не оказалось не только М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, но и П. И. Пестеля. Думается, что Пушкин лучше нас понял эту диалектику. Тынянов учитывал именно это.

Ю. Г. Оксман задал вопрос, который многие не решались поставить: почему мы должны считать расшифрованные П. О. Морозовым строки X главой «Онегина»? В тексте нет никаких отсылок к роману. Нет в нем ни одного героя «Онегина». Вполне возможно, что это другое произведение. Обещал же Пушкин написать историю Александра I языком Курбского. Что же касается онегинской строфы, то ведь она есть не только в романе. Она и в «Езерском». Почему поэт не мог написать еще одно произведение онегинской строфой? Тем более что какие-то мотивы могли быть и общими (ср., например, стихотворение «Свободы сеятель пустынный»). С другой

¹ Работу об этом Ю. Г. Оксман не успел опубликовать. Его устное выступление на заседании редакции «Вопросов литературы» опубликовано в этом журнале (1961, № 1, с. 122—124). Частично я изложил позицию Ю. Г. Оксмана в заметке «Пушкин и Чаадаев» (в кн.: Искусство слова. Сборник статей к 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973, с. 105—111).

стороны, зашифрованные строки сюжетно очень близки к неоконченному «Недвижный страж дремал на царственном пороге», вплоть до деталей (например, характеристика Наполеона). Не проще ли предположить, что перед нами другое произведение? В него могли войти и отрывки из X главы, могут быть и переключки с ней. Но все же это какое-то другое, самостоятельное произведение — об эпохе, о декабристах.

Однако желание связать зашифрованные строки именно с «Евгением Онегиным» во многом определило безоговорочное отождествление расшифрованных Морозовым строк с X главой. Без всяких оговорок текст этот печатается как заключительная глава романа. Несмотря на то что ни одного персонажа «Онегина» там нет. Правда, Ю. М. Лотман выдвинул очень интересные соображения против этого аргумента.

С одной стороны, Ю. М. Лотман соглашается с Ю. Г. Оксманом: «Сохранившиеся отрывки строф десятой главы рисуют широкую историческую панораму, охватывающую узловые моменты русской и европейской жизни первой четверти XIX века. Вяземский был прав, определив жанр этой части главы словом «хроника». Однако необходимо напомнить, что в сохранившейся части главы Онегин не упоминается вообще, и, следовательно, у нас нет никаких твердых оснований для гипотез о том, каким образом судьба центрального героя должна была соотноситься с этой широкой исторической картиной».

И все же исследователь не отрицает идентичности сохранившихся строф X главе. Возражая, по существу, именно Ю. Г. Оксману, Ю. М. Лотман высказывает чрезвычайно интересные, свежие наблюдения: «Приведем две весьма отличные одна от другой параллели. 1) В одну из начальных глав романа А. Мюссе «Исповедь сына века» автор ввел исключительно широко и напряженно написанную картину истории Франции и Европы между революцией и Реставрацией. Однако сюжетно эта мастерская панорама никак не пересекается с судьбой героя повести Октава — из нее вытекают характеры и атмосфера романа Мюссе. 2) Работая над «Русланом и Людмилдой», Пушкин еще не обладал той мерой проникновения в подлинный мир русского фольклора, которая стала ему доступна после пребывания в Михайловском. Однако, готовя новое издание, поэт не стал переделывать свою раннюю поэму — он ввел в нее синтезирующий фольклорные мотивы отрывок «У лукоморья дуб зеленый...», и это по-новому осветило текст, не меняя его. Начало 1830-х гг. было временем напряженных поисков Пушкиным историзма, напоминавших более ранние поиски народности.

Введение в текст романа синтезирующей исторической картины могло так же озарить уже готовые главы, как и дополнение «Руслана и Людмилы» изменило звучание поэмы².

При всей своей весомости и оригинальности эти доводы не убеждают, что перед нами X глава. Сопоставление с «Исповедью сына века» вряд ли правомерно. У Мюссе глава органически входит в текст с самого начала и, как отмечает Ю. М. Лотман, объясняет не только эпоху, но и характеры героев произведения. Между тем зашифрованные строфы, рассказывающие в основном о декабристах, вряд ли могут объяснить появление скептика типа Онегина. Скорее он был бы объяснен Чаадаевым. К тому же строфы были явно неподцензурны. Рассчитывать, что в печать пройдет характеристика Александра I как «плешивого щеголя, врага труда», Пушкин не мог. Но в таком случае глава предназначалась бы не для печати, а для рукописного распространения. Начиная роман, Пушкин допускал возможность его рукописного бесцензурного распространения. Но в 1830 г. таких планов у Пушкина не было. В чем же тогда был смысл главы? Даже если допустить замысел Пушкина о двойном тексте романа — печатном и другом, с потаенным дополнением, трудно понять, как мог Пушкин адресоваться в таком случае к массовому читателю.

Что касается второй параллели, с дополнением к «Руслану и Людмиле», аналогия была бы закономерна, если бы Пушкин в это время относился к итогам декабристского восстания без малейшей критики. В таком случае бесцельность онегинской жизни на фоне героического подвига Рылеева и его друзей была бы очевидной. Но в том-то и дело, что, отдавая должное революционности декабристов, их мученичеству, Пушкин уже понимал слабые стороны тайного общества, его тактики. И вступление или невступление Онегина в тайную организацию ничего не меняло бы в его общей характеристике, в его трагической судьбе.

Замечу также, что X глава, по-видимому, вовсе не сводилась к характеристике эпохи. Онегин там присутствовал. Так, в черновиках «Путешествия Онегина» к стихам:

Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой —

на полях приписано: «В X песнь» (VI, 496). Следовательно, Онегин присутствовал в X главе. Слова Вяземского «славная

² Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980, с. 411—412.

хроника» относятся (как справедливо отметил Ю. М. Лотман) только к части главы: «... Из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих — славная хроника»³. Про главу же в целом Вяземский не пишет. К тому же свидетельство Вяземского не вполне ясно. В конце автографа «Метели» 20 октября 1830 г. Пушкин записал: «19 октября сожжена X песнь» (VI, 326). Вяземский же ссылается на чтение Пушкиным предполагаемой X главы 17 декабря 1830 г., т. е. два месяца спустя после сожжения. Что это значит? Пушкин писал X главу заново? Или совсем другой текст для «легальности» выдавал за X главу «Евгения Онегина» (тем более что, по словам А. О. Смирновой-Россет, Пушкин через нее давал читать X главу Николаю I⁴), а на самом деле писал другое произведение — о декабристах, Александре I. «Подсвистывал» умершему царю и повествовал о декабристах. Поэтому там и нет ни Онегина, ни других героев романа.

Сознательное смешение с X главой давало возможность читать это произведение относительно широкому кругу знакомых. Об этом свидетельствует А. И. Тургенев: «Он читал в Москве только отрывки»⁵.

О том, что в подлинной X главе Онегин упоминался, говорит и содержание IX главы («Отрывки из путешествия Онегина»). А. И. Тургенев 11 августа 1832 г. писал брату Николаю Ивановичу: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под скупом»⁶.

³ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Спб., 1884, т. 9. с. 152 (дневниковая запись 19 декабря 1830 г.).

⁴ Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 394.

⁵ Из документов братьев Тургеневых. Отрывок из «Путешествия Онегина». Публикация В. Истрина. — Журнал Министерства народного просвещения, 1913, № 3, с. 16—17.

⁶ Там же. Приведенные А. И. Тургеневым строки в морозовском тексте отсутствуют. Тем не менее их безоговорочно публикуют в X главе.

Не очень ясно, идет ли речь только о IX главе или о добавлении новых стихов. О X главе А. И. Тургенев не упоминает. Возможно, что Пушкин сознательно все запутывает. Прикрываясь названием неопубликованной части «Евгения Онегина», поэт мог читать отрывки другого, политически явно неподцензурного произведения.

Все сказанное заставляет сомневаться в тождестве расшифрованного Морозовым текста и X главы.

Спор не кончен, он продолжается. И лишний раз подтверждает слова Ю. Н. Тынянова о том, что наука развивается не от незнания к знанию, а, наоборот, от знания к незнанию. Парадокс этот, остроумно и точно выражающий диалектику познания, полностью применим к изучению «Евгения Онегина», к спорам о его финале, о X главе. Вызванные в значительной мере трудами Ю. Н. Тынянова, они заставляют переосмысливать и текстологию, и идейную интерпретацию «романа в стихах». К сожалению, подчас серьезные работы страдают в результате игнорирования трудов предшественников. Иногда с этим сталкиваешься даже в таком солидном издании Пушкинского Дома АН СССР, как «Пушкин. Исследования и материалы». В X томе опубликована интересная статья И. М. Дьяконова «Об истории замысла «Евгения Онегина». К сожалению, автор лишь бегло упоминает одну из работ Ю. Н. Тынянова и совсем обходит труды Ю. Г. Оксмана и Г. А. Гуковского. В результате — немало неточностей, неясностей. Обойдя мнение Ю. Г. Оксмана, что роман был задуман как полемика со скептиками, с политическими деятелями типа П. Я. Чаадаева, с теми, кто уклонялся от активной борьбы, И. М. Дьяконов пишет: «... Из лиц, наиболее близких к Онегину по социальным и характерологическим чертам, ни А. Н. Раевский, ни П. П. Каверин, ни даже П. Я. Чаадаев не играли особо героической роли в тайных обществах... Соприкосновение Онегина с тайными обществами или даже участие в них не должны были сделать из него героя: героиней — в смысле положительного начала в романе — конечно, как была, так и осталась Татьяна. Даже принадлежа к тайным обществам, Онегин подлинным декабристом, скажем Пушкиным или Рылеевым, — стать не мог. Татьяна должна была в любом случае стоять морально выше его, — и она поэтому вполне могла стать «декабристкой» (в том смысле, какой в это слово вкладывает Некрасов). Основным узлом романа был конфликт между безответственностью героя, которую никакая причастность к тайному обществу не могла бы устранить, и силой духа и чувством долга героини. Теперь, когда в 1825 г. в мир героев ворвалась

история, Пушкин должен был поставить их частные страсти во взаимоотношение с абсолютном истории»⁷.

О декабристах писали разное. Но все сходятся на том, что история революционного движения в России началась 14 декабря 1825 г., а не с героического поведения жен декабристов. Герцена разбудили пушки на Сенатской площади, а не поступки и речи героических женщины. Конечно, М. Н. Волконская — героиня. Но муж ее мученик. Когда она приехала в Сибирь, она сначала поцеловала кандалы мужа, потом уже его.

Поэтому такое истолкование возможной концовки романа, где главной героиней становится Татьяна-декабристка, вряд ли согласуется с этикой Пушкина. Пушкин не мог подменить проблему героической трагедии декабризма, приведшего и к жертвам, и к мучительным духовным поискам 1830-х годов, проблемой высокой нравственности русских женщин (пусть и декабристок). Понимая в конце 20-х годов слабые стороны декабристского движения, Пушкин в этическом плане не переставал глубоко сочувствовать декабристам.

Кстати, до сих пор неясно, кого именно считать декабристом. А И. М. Дьяконов ставит более сложный вопрос: мог ли Онегин стать «подлинным декабристом»?.. Кого же считать «подлинным декабристом»? Он называет Пушкина и Рылеева. Ну а как быть с Н. И. Тургеневым, отнюдь не героем, но крупнейшим теоретиком, виднейшим экономистом? М. Ф. Орлов, по-видимому, не отнесен И. М. Дьяконовым к числу «подлинных декабристов». Про него пишется: «М. Ф. Орлов («толстый генерал», подобно мужу Татьяны в черновике) отделался кратким содержанием в крепости и высылкой в свое имение...»⁸. Но ведь Орлов предлагал поднять немедленное восстание в 1821 году. За подготовку 16-й дивизии к вооруженному выступлению он был отстранен от командования в начале 1822 г. Только широкая известность Орлова, подписавшего трактат о капитуляции Франции в 1814 г., спасла его от ареста.

У декабристов было много колебаний, нерешительности. И все же ставить даже самых умеренных из них ниже Татьяны вряд ли справедливо. Вряд ли справедливо судить о Чаадаеве по принципу «героической роли в тайных обществах». Он нужен был декабристам как теоретик, а не как смертник. Он был Чаадаев, а не Каховский. Ю. Н. Тынянов в «Пушкине» и в «Смерти Вазир-Мухтара» наметил сложные отношения Чаадаева и с Пушкиным, и с декабристами. И именно в проблеме Чаадаева — ключ к пониманию Евгения Онегина.

⁷ Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 99.

⁸ Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 100.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
МУЗЕЙ Ю. Н. ТЫНЯНОВА

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

ПЕРВЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(г. Резекне, май 1982)

РИГА «ЗИНАТНЕ» 1984